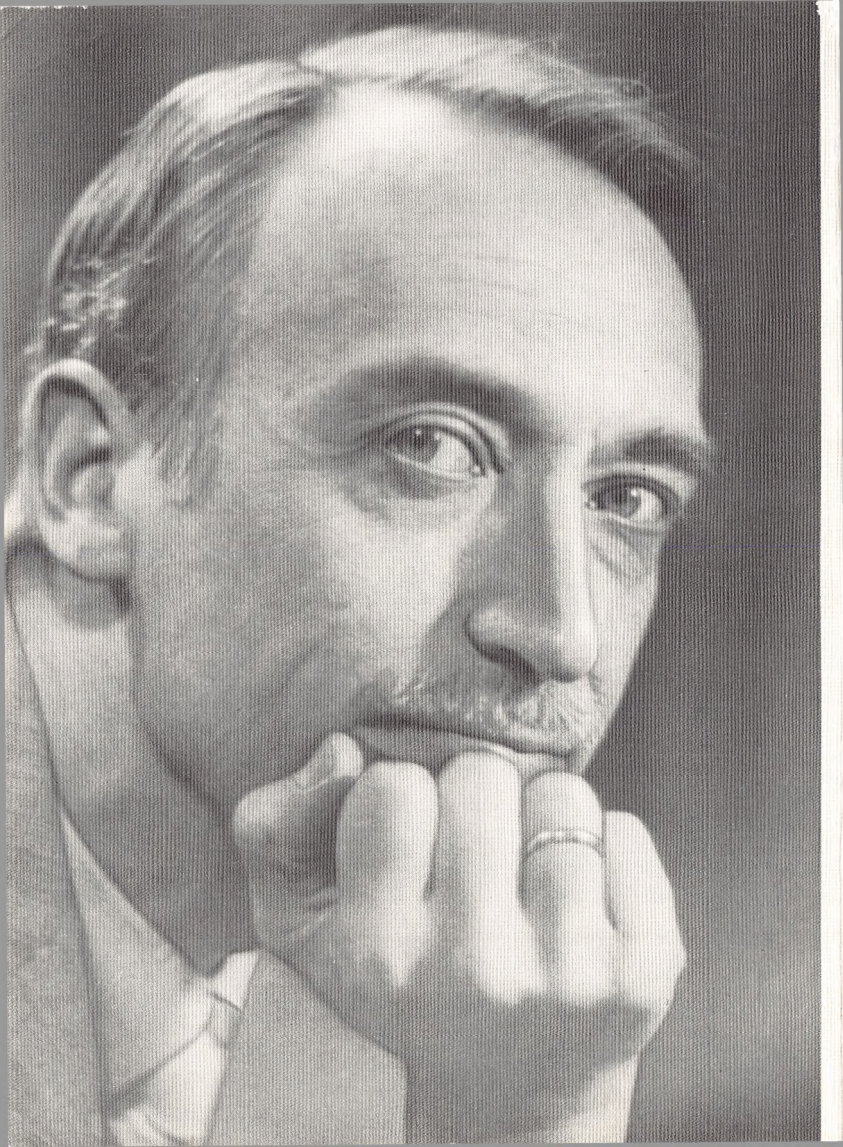

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВ**

**РЕПЛИКИ
В СБОРЕ**

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

**РЕПЛИКИ
В СБОРЕ**

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАРОДИИ**

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989**

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Иванов А. А.

И 20 Реплики в сборе: Литературные пародии. — М.:
Советский писатель, 1989. — 160 с.

ISBN 5—265—00702—4

Александр Иванов известен читателям как остроумный, едкий пародист, умеющий подметить слабые стороны в работе того или иного поэта, язвительно высмеивающий безвкусицу, рифмованную пустоту, запанибратство с классикой, непомерные амбиции некоторых стихотворцев.

В книгу «Реплики в сборе» автор включил свои пародии последних лет.

4702010202—082

И _____ 201—89
083(02)—89

ББК 84 Р 7

© Издательство
«Советский писатель», 1989

В ПЛЕНУ АССОЦИАЦИЙ

Я видел раз в простом кафе нарпита,
как человек корпел над холодцом,
трагическую маску Эврипида
напоминая сумрачным лицом.

Евгений Винокуров

Я видел, как под ливнем кошка мокла,
хотел поймать ее, но не поймал...
Она напоминала мне Софокла,
но почему его — не понимал.

И видел, как из зарослей укропа
навстречу мне однажды вылез крот,
разительно напомнивший Эзопа
и древний, как Гомер и Геродот.

А раз видал, как с кружкой Эсмарха
старушка из аптеки шла в метро.
Она напоминала мне Плутарха,
Вольтера, Острового и Дидро.

Я мог бы продолжать. Но почему-то
не захотел... Я шницель уминал,
сообразив — но поздно! — что кому-то
кого-то же и я напоминал!

ПРО НАШ НАВОЗ ДА ИХНИЙ АНЖЕЛОС

Тут не город Анжелос,
Не страна Бразилия,
Просто клуныкка, да навоз,
Да моя фамилия.

Даже местный агроном
Не хотит в Бразилию.

Николай Тряпкин

Ох и чудо наш колхоз —
Анжелос удавится!
Клуныкка, Дунька да навоз —
Мне ужасно нравится!

Что такое Анжелос?
Слышал, помню, в школе я,
В общем, тот же наш колхоз,
Может, чуть поболее.

С урожаем погорим —
Обуваем валенки.
С агрономом говорим,
Сидя на завалинке.

Задаю ему вопрос,
Нашему Василию:
— Может, съездишь в Анжелос
Али там в Бразилию?

Он, тряхнув копной волос,
Сипнет от усилия:

— Не поеду в Анжелос,
Не хочу в Бразилию!

— Отчего ж,— пытаю я,—
Так туда не хочется? —
Он, сердешный, как змея
Над жаровней, корчится.

Агроном, гляжу, дошел
От мово вопроса-то.
Говорит:— С ума сошел!
Али тут не досыта?!

Головой опять потряс
И добавил жалобно:
— Там хуже, чем у нас:
Там работать надобно!..

ПОЛУТОНА

(Владимир Соколов)

Четыре стены снаружи,
Четыре стены внутри.
А я отражаюсь в луже —
Я, кошка и фонари.

Пора подводить итоги,
Долги отдавая всем.
Да жаль, что промокли ноги,
Промокли ноги совсем.

Я весь из себя прозрачный,
Я весь из полутонов.
Во мне, как в аллее дачной,
Запутался Иванов.

Очерченный круг все уже,
И дождик пошел опять.
Четыре стены снаружи,
Внутри их как будто пять.

Хочу повернуть обратно,
И не на кого пенять.
Все было бы так понятно,
Но этого не понять.

Все те, кого смог обидеть,
Простили меня давно.

Давно я хочу увидеть,
Что видеть нам не дано.

А так приятно чирикать.
Мурашки ползут по мне.
Я скоро начну пиликать
В несвойственной тишине.

Из птичек меня увольте,
Ни пуха мне, ни пера.
О чем это я, позвольте?
О том же, о чем вчера.

Приснились мне ночью крабы
Тоска о карандаше.
Мяукает кот. Пора бы
Подумать и о душе.

НА ОХОТЕ

И немеешь, почти не дыша,
как охотник в догадке: «Не рысь ли?»
И уже холодеет душа
в несомненном предчувствии мысли.

Владимир Гордейчев

Ни пурги не боюсь, ни дождя
на земле то безмолвной, то гулкой,
по полям и оврагам бродя
со своей неизменною «тулкой».

Я природу ужасно любил
в пеших странствиях с егерем Федей.
Не поверите, сколько убил
зайцев, рысей, волков и медведей.

Я однажды устал и промок,
и вот тут-то удача сверкнула;
кто на это надеяться мог? —
неожиданно мысль промелькнула!

Это ж надо! Стреляй — не хочу!
Я, конечно, от радости ахнул,
вмиг двустволку приладил к плечу
и дуплетом по мысли шарахнул.

Лишь бы даром заряд не пропал...
Я утерся вспотевшею шапкой,
пригляделся и вижу — попал!
Вон, голубушка, дрыгает лапкой...

Тут же я ее освежевал;
поспешив из укромной засады,
Федя молча губами жевал
и от зависти плюнул с досады.

Притащил я добычу домой,
а жена закричала: «Не рысь ли?»
... И ни летом с тех пор, ни зимой
мне уже не встречаются мысли.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СТИХИ

(Александр Еременко)

В тумане радиоактивном,
Когда последний датчик гас,
Быть термоядерно-активным
Мне не мешал противогаз.

Когда в магнитное лекало
Включался электронный страж,
Все человечество алкало
С утра $C_2 H_5 OH$.

В глуши коленчатого вала
На биссектрисе бытия
Густая женщина зевала,
И стала женщина — моя.

Технологическим домкратом
Меня тянула на Олимп.
И, обзывая технократом,
Ко лбу привинчивала нимб.

Способен осознать все это
Лишь тот, кому известен код.
Вот перфокарта на поэта:
Он — трансформатор. И диод.

БЕССОННИЦА

В кирпичных сотах
семьи спят,
в железных парках спят трамваи,
спит Летний сад, и зоосад,
и магазины, и пивная.

Леонид Агеев

Традиционно ночью спят.
Спит все — и Мойка и Фонтанка.
В Москве заснул Нескучный сад
и знаменитая Таганка.

Спит индивид и спит Главлит,
спит черствый сыр на бутерброде.
В пивной напротив пиво спит,
хотя одновременно бродит.

Спит гастроном и зоосад,
похрапывает парк трамвайный.
Спит даже кот, и мыши спят —
эпоха сосуществованья!

Заснул на кухне табурет,
сопит дитя, забыв про школу...
Не спит поэт.

Творит поэт.

Ну что бы принял димедролу!..

МНОГОДУМЬЕ

В голове роятся думы —
дум невпроворот.
Спит на стуле кот угрюмый,
очень старый кот.

Александр Шевелев

Говорят, везде — о боже! —
нужен интеллект.
И в стихах, конечно, тоже —
в этом весь эффект.

Раньше как? Задремлешь в кресле —
дум невпроворот;
так и скачут! Ну а если
все наоборот?

Молоко на кухне киснет,
и болит живот.
Спит на стуле кот и мыслит,
очень умный кот.

Я весь день хожу угрюмый,
напрягаю ум.
В голове роятся думы,
тесно в ней от дум.

Час роились, два роились
думы о коте.
Тут и строчки появились,
жалко, что не те...

Думам я сказал: «Оставьте,
хватит!» А потом
я заснул, и мне, представьте,
снился суп с котом!

ШАГИ В ИСТОРИЮ

Вдруг на плечо ко мне ложится
Донского Дмитрия рука.

И стены каменные слышат
Мои и Дмитрия шаги.

Юрий Головин

Мечтая приобщиться к чуду,
враг ежедневной суеты,
я постоянно был и буду
с родной историей на «ты».

Идем Москвою — руки в брюки
(вокруг сплошная лепота!) —
два Юры — я и Долгорукий,
и с нами — Ваня Калита.

Доходим до Замоскворечья,
я вдохновеньем обуян,
чуть притомились, а навстречу
идет еще один Иван.

А Калита — мужик серьезный,
он говорит Ивану: — Ишь,
ты что-то нынче, Ванька, грозный,
войти в историю хочешь?

Идем... На солнце плечи греем,
поют в Зарядье соловьи...
Войти в историю сумеем —
я и попутчики мои.

СВОЕ И МОЕ

И вот я иду дорогой,
Не чьей-нибудь, а своею,
К друзьям захожу под вечер,
Не к чьим-нибудь, а своим.

Диомид Костюрин

Я меряю путь шагами,
Не чьими-то, а моими,
Ношу я с рожденья имя,
Не чье-нибудь, а свое.
На мир я смотрю глазами,
Не чьими-то, а своими,
И все, как поется в песне,
Не чье-нибудь, а мое.

Вожу я знакомство с музой,
Не с чьей-нибудь, а моею,
Бывает, стихи слагаю,
Не чьи-нибудь, а свои.
Иду в ресторан с женою,
Не с чьей-нибудь, а своею,
Друзья меня ждут под вечер,
Не чьи-нибудь, а мои.

Я потчую их стихами,
Не чьими-то, а своими,
Я им открываю душу,
Не чью-нибудь, а свою.

Стихами по горло сыты,
Не чьими-то, а моими,
Они вспоминают маму,
Не чью-нибудь, а мою...

АВТОПОРТРЕТ

(Иван Жданов)

Распахано зеркало. В снежные груды
спешит из рельефа стреноженный сом
сушить под водой негативы Иуды
над сферой нависших в зубах хромосом.

Зияет во мне перфокарта рентгена,
лежу, коллапсируя варежкой всей.
Струится гербарий. И сном автогена
Медузу Горгону кромсает Персей.

Фарфоровый месяц устать не боится,
чугунный венок излучает экстаз.
Программа костей от часов отслоится,
и в пол вдохновенный вырастет дикобраз.

Пусть бесится критик! Ан крыть ему нечем
причестен Харон к многоструйной судьбе.
Ударит по раме остывшая печень
в углу мироздания на чахлой резьбе.

Исход непонятен, и взгляд необычен,
как в дырке от бублика тающий гвоздь.
А все потому, что я метафоричен,
подобно спирали, включенной насквозь.

КОГДА-ТО В МОСКВЕ

(Евгений Рейн)

В квартире коммунальной, теперь таких уж нет,
Из туалета выйдя, не все гасили свет.
Там жили продавщица, профессор и артист.
Худой как черт Данилов, возможно, и альтист.
И одинокий Котов, философ, эрудит,
Как выяснилось позже, убийца и бандит.
И молодая дама, что, кутаясь в манто,
Работала ночами у станции метро...
Никто и никого там на «вы» не называл,
И пятый пункт анкеты жильцов не волновал.
Ко мне по коридору прокрадывались в ночь
То юная портниха, то генерала дочь.
И как же проклинал я, голодный донжуан,
Предательски скрипящий, продавленный диван!..
Объятья, сплетни, ссоры, дешевое вино!
Нам встретиться на свете уже не суждено
Ни в давних тех квартирах в исчезнувших домах
Ни даже на Багамских волшебных островах...
Кто пил из этой чаши, тот знает, что почем,
А кто не понимает, то я тут ни при чем...
Прекрасную квартиру я вспомню, и не раз.
А смена декораций зависит не от нас.

РЕПЛИКА ПАРОДИСТА

Очень остроумного и злого
жаль мне пародиста записного,
лучшего эстрадника Москвы.

...есть в нем что-то грустное
и даже
что-то есть еще от тети Даши,
не заведшей
собственных детей.

Сергей Давыдов

Пародист немало озадачен,
что-то вдруг случилось,
не иначе:
вдруг да пожалел его поэт!..
Он сравнил беднягу с тетей Дашей,
видно, осознал,
что в жизни нашей
горше доли пародиста — нет.

Пародист усталости не знает,
пишут все!
А он один читает
горы графоманской чепухи.
Легче быть, наверно, землекопом,
сутками сидеть над микроскопом,
нежели всю жизнь
читать стихи...

Пародист, конечно, пишет мало.
Что и говорить.

душа устала
и бумагу портить ни к чему.
Да, не вышло из него поэта!
И, конечно, за одно за это
можно ставить
памятник ему!

ИЗ-ЗА МЫСЛОВ

(Марина Кудимова)

Необходимо вспать.
Мы — пленники.
Одарены в ноздрю талантом.
Мездра окучивает плевелы,
Праматерь бредит прейскурантом.

На коз, уснувших под наркозом,
Внезапно снизошел не дух ли?
Одры кончают токсикозом,
А незаблудшие — протухли.

В душе сто сорок пять по Цельсию
А оборотни храм ограбили.
Хотят сосцами млеко сцеживать
Шпана, ханыги, мизерабли.

Любимый — головой на скатерти,
Неутоленности знак чей же?
Убогой
Зраком бдеть на паперти,
Сиречь тамбовской казначейшей?!

Прочь от укусов комариных,
Гиперболы осыпьте перхотью!..
Земля стоит на двух Маринах,
Но ужас в том,
Что я — не первая.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Вдруг зальюсь румянцем —
Скрою боль и грусть.
С помощью двух пальцев
Больше не сморкнусь.

Виктор Коротаев

Грустно признаваться,
Боль скривила рот.
Я, конечно, братцы,
Раньше был не тот.

Был я хулиганом,
Сопли до пупа.
Водку пил стаканом,
В общем, шантрапа.

Нынче изменился,
Галстуки ношу.
Как бы вновь родился
И стихи пишу.

Встречных не пугаю,
Редко матерюсь,
Громко не рыгаю,
На пол не сморкнусь.

Вежлив непривычно,
Пью теперь боржом.
Шамаю прилично —
Вилкой и ножом.

Не шути со мною,
Ставь на постамент!
Был шпана шпаную,
Стал — интеллигент!

НЕХВАТКА

Мы с Разиным в битвах не бились,
Не шли в пугачевских полках,
Но как бы мы им пригодились,
Тихони,
Разини,
В очках...

Евгений Храмов

В казацких набегах крамольных,
Где каждый по-своему прав,
Нехватка была
Малахольных,
Растяп не хватало, раззяв.

Жаль, нас разделили эпохи,
А как бы мы были лихи,
Разини, сачки, пустобрехи,
Очкарики и лопухи!

Явили бы чудо отваги
Мы, рохли, сморчки, дохляки,
Застенчивые доходяги,
Мечтательные слизняки!

Как мы бы собою гордились
В те, кровью умытые дни...
А как бы теперь пригодились
Дубины,
Ножи,
Кистени!..

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Рыбный запах сквозит
От меня за версту...

... Пожелай мне, подруга,
Веселой удачи!

Анатолий Парпара

Здравствуй, милая!
Я не пропал, не зачах.
Укрепил я на сейнере
Мышцы и нервы.
Рыбным запахом я
Так безбожно пропах,
Что уже из меня
Можно делать консервы.

Я успехом с тобой
Поделиться хочу,
Так велик мой улов,
Что общественность ахнет!
Приезжай, я в объятья
Тебя заключу,
И тогда от тебя
Тоже крепко запахнет.

Я рыбак, значит,
Мужественный человек,
Но порой мне тебя
Не хватает, подруга...

До свиданья. Пиши.
Серебристый твой хек.
Пожелай мне веселой удачи,
Бельдюга!

ТУРУСЫ НА ТОРОСАХ

Нет, не зря в ледовитый торос
упирается русская карта:
одинаково страшен мороз
и для СПИДа и для Бонапарта.

Поскользнешься в родной темноте,
чертыхнешься в морозных потемках...
Вспомнишь — мамонты спят в мерзлоте
и алмазы хранят для потомков.

Станислав Куняев

Я люблю говорить: «Мой народ»,
так как я из народных поэтов.
Столько брошено в наш огород
и камней и прочих предметов...

Русский мамонт пока еще спит,
не разыграна русская карта,
но уже пробирается СПИД
к нам
в потомках мосье Бонапарта.

Били вороги нас под ребро,
постоянно кусая и жаля...
Быть должно с кулаками добро —
нам пора начертать на скрижалях!

Кто поймет,
что у нас на уме,
наш огонь до поры только
тлеет...

На родном поскользнешься дерьме,
и на сердце озябшем теплеет.

Не впервой нам в сплошной мерзлоте
первородство отстаивать в драке.

Мы уж как-нибудь так,
в темноте,
в наготе, в запустенье, во мраке...

ДАЕШЬ ПЕРЕСТРОЙКУ!

Уроки потерь и промашек
Сегодня особо важны.
Чем меньше мы — нашим и вашим,
Тем крепче здоровье страны.

Ведь нас перестройка крутая
Призвала — крути не крути —
Все хаты, налипшие с краю,
Расставить на Главном пути.

Эрик Тулин

Пусть я не открою Америк,
Но нынче — не то что вчера.
Вам я говорю это, Эрик,
Певец ускоренья: пора!

Весна наступила в апреле,
Мы энтузиазмом горим!
Мы все как-то сразу прозрели
И смело в грядущее зрим!

Повсюду кипевшая стройка
Должна по-другому кипеть.
Сейчас нам нужна перестройка,
Иначе, друзья, не поспеть!

По-новому сеем и пашем,
Повсюду работа идет!
А если мы — нашим и вашим,
Так дело теперь не пойдет!..

Уже перестроились МХАТы,
Должны уж и мы как-нибудь...
И с краю налипшие хаты
Поставим на правильный путь!

Поэты, даешь ускоренье!
Идет наше дело на лад.
И это вот стихотворенье —
Весомый, по-моему, вклад!

ЛИРИКА С ИЗЮМИНКОЙ

ЛИРИКА С ИЗЮМИНКОЙ

Я слышу, как под кофточкой иглятся
соски твои — брусничинки мои,
ты властна надо мною и не властна,
и вновь сухи раскосинки твои...

Владимир Цыбин

Ты вся была с какой-то чертовщинкой,
с пленительной смешинкой на губах,
с доверчинкой до всхлипинки, с хитринкой,
с призывной загогулинкой в ногах.

Ты вся с такой изюминкой, с грустинкой,
с лукавинкой в раскосинках сухих,
что сам собою нежный стих с лириной
слагаться стал в извилинках моих.

Особинкой твоей я любовался,
вникал во все изгибинки твои,
когда же до брусничинок добрался,
взыграли враз все чувствинки мои.

Писал я с безрассудинкой поэта,
возникла опасёнка уж потом —
вдруг скажут мне: не клюквинка ли это
с изрядною развесинкой притом?..

ПРО МЕД И ДЕГОТЬ

Невозможно не заметить
Вам моих блестящих глаз!
У меня медовый месяц!
И уже не в первый раз.

Галина Чистякова

Не могу понять, хоть тресни,
Где вы, юные года?
Замечательную песню
Хором пели мы тогда:

«Юбку новую порвали
И подбили правый глаз!
Не ругай меня, мамаша,
Это было в первый раз!»

А теперь, прошу заметить,
Манны с неба я не жду.
У меня медовый месяц
Десять месяцев в году!

Я с избранниками смело
То вожусь, то не вожусь.
Надоело это дело —
Через месяц развожусь.

А потом опять как в воду,
Не зевай да успевай...
Да и что мне ложка меду?
Ты цистерну мне давай!

Но вину свою за это
Мне придется искупать:
Могут девушку-поэта
В бочке дегтя искупать..

ПРИМЕТА ВЕКА

И стала я приметой века:
не волновалась, не ждала,
от женщины до человека
довольно легкий путь прошла.

А мой талантливый ребенок
был в непорочности зачат.

Лариса Васильева

Была я женщиной. На блюде
мне был предложен бабий век.
Мне захотелось выйти в люди,
и вот теперь я — человек!

Оригинальной быть решила,
и это удалось вполне,
ведь я не стряпала, не шила,
поскольку это не по мне.

Была допущена в печать я,
не поэтесса, а поэт!
И непорочного зачатья
познала редкостный секрет.

К несчастью, избежать пеленок
до сей поры никто не смог.
Но мой особенный ребенок
зато талантливый как бог.

И стала я приметой века,
езде и всюду на виду.

И вот теперь от человека
я к божьей матери иду...

ГИМН КОРОВЕ

Мне бы
в дебри судеб деревенских,
чтоб искать,
ночь возя на возах,
сокровенное
если не в женских,
то хотя бы в коровьих глазах.

Василий Журавлев

Я не то
чтобы с бычьим здоровьем,
но и, как говорится, не слаб.
Потянулся я
к чарам коровьим,
хоть корова — а тоже из баб!

Мне с коровою очень бы надо
для начала
хотя бы дружить.
Чтобы жить интересами стада,
по-простому,
по-честному жить.

От сомнений избавиться мрачных,
чтоб увидеть себя наяву
среди парнокопытных и жвачных
самым первым поэтом
в хлеву.

Мне бы с ней,
если быть откровенным,

постоять бы хоть рядом, молчком.
Поделиться бы с ней сокровенным,
получить от нее —
молочком.

Возле куч прогуляться навозных,
научиться родную доить...
И намерений —
очень серьезных! —
от любезной своей не таить.

Чтобы те,
кто от благ не вкусили,
говорили, косясь на сарай:
ну устроился этот Василий,
ах, корова его забодай!

В ТОСКЕ ПО ИДЕАЛУ

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Не был ли мир подобьем идеала?

Людмила Щипахина

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Щипахина еще не сочиняла.
Был сам Адам мужчиною, а дама
Была подруга верная Адама.
...Вот наше время наконец настало,
И, боже мой, что нынче с нами стало!
Возникли очень странные моменты:
Мужчины всюду — имп... интеллигенты.
Я тут недавно с ужасом узнала
О женщине, что мужу изменяла!
О, страшное трагическое время,
На женщину легло такое бремя!
Как наше время к женщине жестоко,
Как женщине сегодня одиноко!
Днем бьется, как подраненная птица,
Приходит ночь — и ночью ей не спится,
И мечется под душным одеялом
В тоске по незабвенным идеалам...

ДИАЛОГ

Все тебе бы мять меня да лапать,
Ты с кого берешь такой пример?
Что же у тебя, ядреный лапоть,
Никаких красивых нет манер?

И катись-ка ты к чертям и лешим,
Тоже мне нашелся Дон Иван.

Нина Краснова
«Сетованье Нюшки»

— Что ж ты, сукин кот, меня залапал,
Это же гумно, а не панель.
Встал бы на колени лучше на пол
Али преподнес в презент «Шанель»!

Сел бы лучше рядом на диване,
А не то заместо чувств — обман!
Может, даже звать тебя не Ваня,
Может, ты теперя Дон Иван?

— А чего ж, — смеется он, — не лапать,
Нешто я какой-то моветон.
Ты ведь, — говорит, — ядрена лапоть,
Тоже ведь не Лида Гамильтон!

КАМСКИЕ СТРАДАНИЯ

Не пойму, куда мне деться! —
у реки, как дивный дар,
ты в траве сидишь с младенцем,
Лена Лишина, маляр.
И простит Буонаротти
эту вольность или нет —
я тайком пишу напротив
твой задумчивый портрет.

Николай Зиновьев

Становлюсь я, видно, старше,
налит силою мужской.
Вот уж прелести малярши
мой нарушили покой.
Увидал ее босую,
начал голову кружить.
Я тайком ее рисую,
нарисую — буду жить.
С ней мы встретились на Каме,
с дамой сердца моего;
обращаюсь к ней стихами —
этот путь верней всего.
Это — дело упрощает,
только вот душа грустит:
Микеланджело прощает,
муж малярши не простит...
Но поэту риск не страшен,
поздно пятиться назад.
Будет славно разукрашен

мой задумчивый фасад.
Впрочем, муж — такая туша
Вновь тревожится душа,
потому что штукатурша
тоже дивно хороша!..

КУДА НИ КИНЬ

Ты пахнешь, как охотники в лесу
наутро после дымного ночлега.
Мне кажется, я скоро понесу
не от тебя —
от пороха и снега.

Тамара Жирмунская

Гуляла я в заснеженном лесу,
где все вокруг — безмолвие и нега.
И поняла, что скоро понесу
не от тебя —
от холода и снега.

Идя весной, любуясь на красу
природы юной, слыша птичьи трели,
почувствовала: скоро понесу
не от тебя —
от ветра и апреля.

Бродила летом, видела росу,
в грозу попала далеко от дома.
И показалось: скоро понесу
не от тебя —
от ужаса и грома.

А осенью, когда свербит в носу
и в небе птиц печальных караваны,
мне стало ясно: скоро понесу
не от тебя —
от мрака и тумана.

Вот так всегда... Ну, право, отчего
куда ни кинь — интимные моменты?
Одно лишь непонятно: на кого
я буду подавать
на алименты?

ЕСЛИ ВЫСЛЕДИТЬ...

Если долго за нами следить,
если наш разговор записать,
то обоих нас надо судить,
но меня за любовь оправдать.

Ирэна Сергеева

Начинаем с тобой понимать,
если долго за нами следить,
если выследить нас и поймать,
то, конечно, нас надо судить.

И хоть ты, мой любимый, не вор
и на мне не разбоя печать,
будет очень суров приговор,
громом с неба он будет звучать.

Обрекут нас, дабы проучить,
ты и я будем вместе страдать:
я — пожизненно в рифму строчить,
ты — пожизненно это читать...

В ШКОЛЕ ЖИЗНИ

А ревность — что? Она забыта
И мною пройдена давно.
Я говорю о ней открыто,
Как будто мы глядим кино.

Ирина Малярова

Все резче времени приметы,
Все зримее черты зимы...
Какие дивные предметы
Когда-то проходили мы!

Дождей весенних вспомнишь струи,
И вмиг — мурашки по спине...
Давно забыты поцелуи,
Сданы прогулки при луне.

Не пропускали мы занятий,
Преподавали нам интим.
Мы проходили курс объятий
И летом — практику по ним.

Экзамен вспомнишь, станет грустно,
Как волновалась, не спала...
И как засыпалась на устном,
Но осенью пересдала.

И ревность! Вот предмет предметов!
Пусть жизнь, что нам преподает,
Всех — в том числе меня — поэтов
Хоть на второй оставит год!

КОМУ КОГО

Не та, что есть, —
Совсем иная
Ты плакала легко во мне.
Себя однажды вспоминая,
Не думай плохо обо мне.

Борис Пуцыло

Не ты во мне,
А ты — иная,
Иная, впрочем, не вполне, —
Себя однажды вспоминая,
Тебе нашла себя во мне.

Не я в тебе,
А ты, родная,
В моей запутанной судьбе
Меня однажды вспоминая,
Себе нашла меня в тебе.

Ты плакала,
Ты мне внимала,
Моя твоя рвалась к себе.
Твоя моя не понимала,
Того, что я в себя в тебе.

Косноязычно и занудно
Тянулись мысли в полусне...
И понял я:
Конечно, трудно
Не думать плохо обо мне.

НАЛИВАНИЕ

Твои ресницы, словно коромысла,
Легко несут большие ведра глаз,
Что так полны живой небесной сини,
Плескающей даже через край.
Я ждал:

а вдруг плеснешь в меня случайно,
И брызги жгуче звездами сверкнут
И ослепят,
чтоб я других не видел...
Но ты те ведра
мимо пронесла.

Дмитрий Смирнов

Не губы, не колени и не бедра,
А ведра глаз твоих меня пленили,
Их было два.

С ресниц они свисали,
К тому же ты с утра их налила...
И я все ждал:

а вдруг пройдешь и спрыснешь,
Вдруг отольешь,

пускай произвольно...

Но мимо ты прошла,
не отлила.

И я с тоски
свои глаза налил.

ДАВАЙ НЕ ГОВОРИТЬ

Давай не говорить о лете,
лоскутик памяти порви.
Сегодня нет со мной
на свете
ни колоска твоей любви.

Марина Тарасова

Судьбы моей поникли перья,
любви загнулся колосок.
Порвалась ниточка доверья,
и выпал дружки волосок.

Подохла в клетке птичка страсти,
котенок ласки не поет.
И щепочка бывшего счастья
в корыте памяти плывет.

Давай погасим пламя муки,
обиды тряпочку порви.
Меж нами дырочка разлуки
и нет ни корочки любви.

Ты не смотри на это косо,
как ясный полдень на грозу.
Ведь я нашла отличный способ
немножко выжимать слезу...

ЛЮБОВНАЯ РЫБАЛКА

И полноводная — спасибо! —
Течет любовная река,
И плещет женщина, как рыба,
В счастливой хватке рыбака.

Нонна Слепакова

Года к нам, женщинам, суровы,
Недолог путь наш до зимы.
Поэтому всегда готовы
К самопожертвованью мы.

Кто он, мужчина? Камень. Глыба,
Нам созданная на беду.
А женщина — она, как рыба,
Попасть стремится на уду.

Чего нам, рыбкам, не хватает?
Зачем в тщеславии пустом
Любая о крючке мечтает,
Особенно о золотом?..

Так шли разбойники на дыбу.
О женщины! Святой народ...
А он, мужчина, ловит рыбу,
С ухмылкой бормоча: «Клюет!»

Река недвижна. Солнце парит.
Подсечка! Хриплый шепот: «Есть!»
Вот он поймал ее и жарит,
Когда изжарит, будет есть...

Красивы под пером поэта
И наше счастье и беда...
Не говорите мне, что это
На постном масле ерунда.

МОРСКОЙ ВОЛК

Как на штык напороться,
оказаться под танком —
если влюбится боцман
в жену кавторанга.

Владимир Жуков

Что за казус случился,
аж душа замирала, —
бедный юнга влюбился
в жену адмирала.

И она — вот мученье! —
умудрилась влюбиться.
Адмирал с огорченья
все хотел утопиться.

А потом закричал:
— Как посмела ты, дура,
я служить начинал
со времен Порт-Артура!

А она закричала:
— Не держи меня в клетке,
ты подумай сначала,
мы ведь с ним однолетки!

Адмирал зарыдал,
и она зарыдала.
И решил адмирал,
что не нужно скандала.

Дал супруге развод,
и (секрет вам открою)
очень дружно живет
с ее младшей сестрою.

КРИЗИС ЖАНРА

Мой друг, вас нет в моих стихах,
и это очень странно:
ведь между нами было — ах! —
подобие романа.

Майя Борисова

Писала я в своих стихах
об этом постоянно,
что между нами было — ах! —
подобие романа.

Но не снискал роман успех,
хоть создан был на совесть.
Возникла между нами — эх! —
взамен романа повесть.

Но повесть испустила дух,
и долго я ревела.
Возникла между нами — ух! —
короткая новелла...

И вот пишу, скрывая вздох,
не радуясь нисколько:
была, была меж нами — ох! —
пародия — и только.

КАК ПОКАЗАТЬ СТИХИ

(Юрий Левитанский)

Человек по улице идет.
Человек идет.
И снег идет.
Дождь идет. И кинофильм идет.
Рыжий кот по улице идет.
А навстречу женщина идет,
шубка этой женщине идет.
Человек идет.
На нем пальто.
Многие идут в полупальто.
Кот идет и вовсе без пальто.
Впрочем, это, кажется, не то...
Человек на улицу выходит,
взад-вперед по тротуару ходит.
Что-то в этом, видимо, находит,
потому что долго не уходит.
Он к знакомой женщине заходит,
к ней он, как домой к себе, приходит,
у нее он в роль мужчины входит,

а потом он из нее выходит.
Все проходит в жизни, и вообще.
Жизнь — кинематограф.
И вообще,
если вы хотите рифмовать,
это очень просто — рифмовать...

ИЗ ГОРОДСКОЙ ЛИРИКИ

(Константин Ваншенкин)

* * *

Москва за окнами гудела,
Слегка устав к исходу дня.
А ты задумчиво сидела
И все глядела на меня.

Не мысля вслух, не вспоминая,
И я, представь себе, сидел.
И на тебя, моя родная,
Еще задумчивей глядел.

* * *

На проспекте босоножки,
Миллионы их в толпе.
А какие ушки, ножки,
Губки, зубки и т. п.

И дымится папироска
Полтора часа спустя...
И от лифчика полоска,
А сама — совсем дитя.

* * *

Всю жизнь пишу стихи,
Поэтом стал московским.
Должно быть, неплохи —
Отмечены Твардовским.

Кто пишет на века,
Того не сразу видно.
Точь-в-точь как я пока...
Но все-таки обидно.

ОДА ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЕ

«Все едино?» Нет, не все едино:
Пламя, например, отнюдь не льдина...

Все едино? Нет, не все едино:
Детский самокат не гильотина.

Все едино? Нет, не все едино.
Волк не голубь. Жаба не сардина.

Новелла Матвеева

Все едино? Нет, не все едино:
Хорь не корь. Конец не середина.
Семга не сапог. Балет не драма.
Кобзев не Кобзон. Валет не дама.

Все едино? Нет, не все едино:
Соль не соло. Утка не Ундина.
Хвост не хобот. Басня не новелла.
И Новелла, например, не Белла.

Все едино? Нет, не все едино:
Бутерброд с икрой не Буратино.
Где-то я об этом говорила:
Сок не сук. Горилка не горилла.

Все едино? Нет, не все едино.
И ночной сосуд не концертино.
Кот не повар. Чепчик не чернила.
Что и с чем еще я не сравнила?

Все едино? Нет, не все едино.
Мне сказали: что за чертовщина?
Шпроты в масле не ребенок в люльке,
Быть поэтом — не играть в бирюльки..

РОДНЯ

(Борис Слуцкий)

Мой дядя двоюродный был бог
по части починивания сапог.
А дедушка, сморщенный, словно трюфель,
маг по изготовлению дамских туфель.
Не дворяне и не пирожники —
в моей родословной были сапожники
довольно-таки высокого класса.
Обуви ими наделана масса.
Ее бы хватило обуть СП,
Союз композиторов и т. п.
Забывать свою родню не годится,
и я до сих пор не устал гордиться,
что каждый мой небольшой успех
обсуждал не литературный цех,
а мастера каблуков и подметок,
не считая двоюродных теток.
Они собирались обычно в среду,
чаще к ужину, реже к обеду
и рассуждали весьма отменно.
Все говорили одновременно.
И я с тех пор за собой замечаю:
чуть что нацарапаю — к ним спешу.
Не люблю говорить: «пишу».
Предпочитаю сказать — «тачаю».

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР

Детских лет моих подружка,
Где тропы висит клинок,
Мчит Шалунка, мчит Шалунка...
.
Счет годам ведут кукушки,
И, достав рукой до дна,
Пью с ладони, как из кружки.

Алим Кешоков

Наша ветхая саклюшка
И печальна и темна.
Где же ты, моя Шалунка,
Или выпита до дна?

Колыбельная речушка,
Или высохла она?
Выпью с горя; где же кружка?
Здесь, в Литфонде, у окна.

Я живу, поэт московский,
Кабарде любовь храня.
Только жаль, что друг Козловский
Переводит так меня.

Перевод читатель кроет,
Головой в сердцах крутя.
То как зверь он вдруг завоет,
То заплачет, как дитя...

ПЕРЕГРЕВ В ПИЦУНДЕ

И снова бью стекло в замыганном кафе.
И снова хлещет кровь из ровного пореза.
И совесть, как палач, на аутодафе
ведет, пока жива, до полного пореза.

Виктор Широков

В Пицунде наяву я вижу странный сон,
я вижу наяву то господа, то черта.
Я весь кровоточу, и доктор Кацнельсон
доказывает мне безнравственность аборта.

Непросто сочинить пугающий стишок,
но тайна жутких строк мне с юности знакома.
На аутодафе закономерен шок,
а проще говоря — отключка или кома.

Что ни строка — удар и до кости порез.
Поэзия, увы, ты вся — езда в больницу.
А то еще мигрень, истерика, парез,
а иногда понос на целую страницу.

Читатели мои! Все это — чушь и дичь,
я просто ваш палач с рассвета до захода.
Не важно, что у вас столбняк и паралич,
меня читайте до летального исхода!

ПОЭТ И ТАБУРЕТ

Что думал, как настроен был поэт,
Как он встречал закаты и рассветы,
Навряд ли объяснит нам табурет,
Или чернильница, или штиблеты.

Лев Озеров

Позвольте вам представиться: штиблет.
Хозяин мой во мне ходил по свету.
Мне табурет сказал, что он поэт,
Но вряд ли можно верить табурету.

Для табурета, в общем, все равны,
Он в смысле кругозора ограничен,
Людей он знает с худшей стороны,
Поэтому и столь пессимистичен.

Хозяин мой во мне встречал рассвет,
По лужам шел по случаю ненастья,
И вдруг зарифмовал «рассвет» — «штиблет»,
Признаться, я был вне себя от счастья!

Нет, все же он действительно поэт,
Как не воздать бесценному шедевру!
Поэта угадал в нем табурет
По одному седалищному нерву!

НА КОНЕ

Я люблю приезжать в этот город,
И бродить, и ходить не спеша.

Снова скачет надменно и гордо
Всадник бронзовый мимо меня.
А в Большом Драматическом горько
Плачет Лебедев в роли коня.

Марк Лисянский

Я люблю приезжать в этот город
С каждым годом сильней и сильней.
В город, воздух в котором распорот
Ржаньем всех знаменитых коней.

Я смотрю затуманенным взором,
Все навеки запомнить дабы,
Вижу Аничков мост, на котором
Кони Клодта встают на дыбы.

Медный Всадник по-прежнему скачет,
И легенды слагают о нем.
В этом городе Лебедев плачет,
В БДТ притворяясь конем.

На любую вступаю я площадь,
Вдоль проспектов гуляю седых
И себя ощущаю как лошадь,
А порою — как пара гнедых.

Здесь прохлада струится за ворот,
Конский запах волнует до слез.
Я люблю приезжать в этот город,
Ржать, и плакать, и кушать овес.

РАЗНОГОЛОСЬЕ

По-бабьи ссорюсь, по-мужски мирюсь.
По-волчьи вою, блею по-козлячьи.
То скакуном гарчую на виду,
То протащусь последней старой клячей.

Какая радость удивлять глупцов.
На собственную глупость удивляться.

Майя Луговская

То этим быть, то этой — вот где шик.
Вы с этим не согласны? И напрасно.
Я где-то баба, в чем-то я мужик,
Но где и в чем — мне и самой не ясно.

Но это ладно... Это ерунда,
Я вам приберегла еще гостинец:
Во мне, не удивляйтесь, иногда
Открыт, живет и действует зверинец.

Я блею, кукарекаю, змеюсь,
Рычу, жужжу, мяукаю и лаю.
Я квакаю! Короче, становлюсь
Зверюшкой, которой пожелаю.

Их голоса тяну в стихи свои,
Дабы глупцы скулили и дрожали.
Жаль только, вы, читатели мои,
Не хрюкнули блаженно, а заржали...

К ВОПРОСУ О ГЕНЬЯХ

В Лутовинове — Тургенев.
И в Карабихе — поэт.
Я не гений. Нету геньев!
Прежде были — нынче нет.

Чехов в Мелихово едет.
Граф гуляет по стерне.
Только мне ничто не светит.
Скоро я остервене...

Вероника Долина

Я возьму свою гитару
Да спою на целый свет.
Прогуляться бы на пару,
Жаль, что нынче пары нет!

Все фигуры из картона,
Всё банальные слова...
Нет Ивана, нет Антона,
Нету Феди, нету Льва.

Всё Андреи да Евгеньи,
Всё Булаты среди нас...
Нету геньев! Где вы, геньи?
Одиноко мне без вас!

Поспевает земляника,
Дамы ходят по земле.
Говорят, что Вероника
Совершенно обнагле...

Но известно, что без геньев
Гаснет наша красота...
Ведь Андреев, и Евгеньев,
И Булатов не хвата...

И хотя я иронична —
Понимают это все —
Ситуация трагична:
По мадамам — и месье...

ВЕСНА НА АРБАТЕ

Кончается зима. Тягучим тестом
Расплылся снег и задышал тепло.
И каплями художественных текстов
Забрызгано оконное стекло.

Анна Гедымин

Весна, ты ослепила нас, как видно!
Тепломдохнуло. И сугроб осел.
Подходишь к окнам — ни черта не видно,
Весь город как-то сразу окосел.

А город весел! Дышит полной грудью.
И тщетно трет ладонями домин
Свои глаза, заляпаные мутью
Художественных текстов Гедымин.

ИГРА

Приметы счастливые лживы,
Исход не написан на лбу.
Играю не ради наживы —
Я экзаменую судьбу.

Вадим Шефнер

Бывает, с улыбкой кривою
Нам жизнь преподносит урок.
Мы сели за пульку с судьбою,
А третьим пристроился рок.

Судьбу свою экзаменую,
Уверен в успехе и вдруг
Рискнул заказать восьмерную —
И тут же остался без двух.

В подобной позиции шаткой
Я адскую начал игру.
Без масти с бланковой девяткой
Рискованный мизер беру.

Лежал бы спокойно в кроватке,
Так нет, озабочен игрой...
Марьяж прикупаю к девятке,
А ход, к сожаленью, чужой.

Расклад опасенья внушает,
Уже невозможно не сесть...
Кто игрывал, тот понимает,
Что значит на мизере шесть!

Судьба допускает капризы,
И рок ополчиться готов...
В итоге — сплошные ремизы
И нет совершенно вистов.

Болит, разрывается темя,
И денег немало ушло,
Напрасно потеряно время...
Зато вдохновенье пришло!

АНТИПАРОДИЯ НА АВТОПАРОДИЮ

Мы убили комара. Он погиб
в неравной схватке...

Булат Окуджава

Жил на свете таракан,
был одет в атлас и замшу,
аксельбанты, эполеты, по-французски говорил,
пил шартрез, курил кальян, был любим
и тараканшу,
если вы не возражаете, без памяти любил.

В то же время жил поэт жизнью странной и тревожной,
только он любовь такую
описать достойно смог,
хоть давно сменил Арбат,
ходят слухи, на Безбожный,
безобразное названье, как не стыдно, видит бог!

Все куда-нибудь идут.
Кто направо, кто налево,
кто-то станет завтра жертвой, а сегодня — палачом...
А пока что тараканша
гордо, словно королева,
прикасалась к таракану алебастровым плечом.

Жизнь, казалось бы, прекрасна! И безоблачна!
Но только
в этом мире все непрочно, драмы стали пустяком...
Появилась злая дама,
злую даму звали Ольга,
и возлюбленную пару придавила каблуком.

Бейте громче, барабаны!

Плачьте, трубы и гобои,
о развязке вам поведает серебряный кларнет:

значит, жили тараканы,

тараканов было двое,

было двое тараканов,

а теперь обоих нет...

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕССОННИЦЕ,
ФАСОНЕ И ФОГЕЛЬСОНЕ**

(Олег Чухонцев)

Люблю, простите бога ради,
Всю ночь стихи писать в тетради,
Под утро погружаясь в сон.
Люблю друзей. И с ними иже
Мне более всех прочих ближе
Мой друг — редактор Фогельсон.

Он дядя самых честных правил,
Когда мои стихи он правил,
По слухам, сильно занемог.
Его пример другим наука,
Теперь здоров. Но в том и штука,
Что лучше выдумать не мог.

Не описать моих страданий,
Я долго ожидал изданий —
Отныне мне сам черт не брат!
Теперь убогих нет чухонцев,
Но есть поэт Олег Чухонцев,
Который славен и богат.

И я готов слагать бессонно
Стихи во славу Фогельсона,
Пусть убедятся в этом все.
Хотя мне далеко до срока,

Лев Аннинский, великий дока,
Мне посвятил свое эссе.

Я отдал должное указу,
Не таянул водочки ни разу,
Все силы — резвому перу.
А впрочем, что там эссеисты,
Ведь вот уже и пародисты...
Отныне весь я не умру!

ДРАМА В ХРАМЕ

(Юнна Мориц)

У попа была собака.
У собаки — нервный тик.
Поп — ашикер, монстр и бяка,
Настоящий еретик.

Начинается интрига.
Поп с утра глаза налил,
Алкоголик и расстрига,
Он монахиню растлил!

Век бы мне его не слушать,
Душу рвет собачий вой!..
Пес хотел немножко кушать,
Потому что был живой.

Тихо музыка играла,
Доносился запах роз.
Под звучание хорала
Скушал мясо бедный пес.

Скоро встретимся на тризне,
Не поможет стрептоцид...
Но лишить за мясо жизни —
Это явный геноцид!

Плачет древняя Эллада,
Стонет флейта, и фагот,

И Афина, и Паллада,
И Гефест, и Гесиод.

На Таганке, на Полянке
Слухи множатся в толпе,
На Полянке, на Таганке
У Любимова Ю. П.

Скушав мясо в кулебяке,
С небогатого стола
Я бы кихэлах собаке,
Я бы земэлах дала!

Навсегда бы злоба сникла!
Чтобы всюду и везде
Благолепие возникло,
Как в писательской среде.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ СОБАКИ

Я замер. Смотрю.
Сам с собою толкую:
И мне бы собаку!
Но только какую?

Николай Старшинов
«На выставке собак»

Какие писатели стали,
Однако!
У каждого есть
Непрерменно собака.

Хозяин гуляет с собакой.
И что же?
Собаки всегда
На хозяев похожи.

Вот шествует автор
Огромных романов.
С ним рядом шагает
Чета доберманов.

Любимец Литфонда
Солидно и строго
Ведет за собою
Красавца бульдога.

Ползет поэтесса,
Толстуха и плакса.
За ней ковыляет
Облезлая такса.

Вот — в жанре работающий
Детективном,
С немецкой овчаркой
И лбом дефективным.

А вот и писатель,
Увенчанный славой,
Знакомясь со всеми,
Гуляет с легавой.

Поэт, в чьих стишках
Ковырялись мы в школе.
Конечно,
С ним нервная, хитрая колли.

Сибирский писатель,
Живущий в столице.
С ним лайка сибирская.
Есть чем гордиться!

А этот не пишет.
С трибун не слезая,
Он резвый оратор.
С ним рядом — борзая.

Поэт, много лет
Одурманенный хмелем,
Один не дойдет.
Вышел со спаниелем.

Идет критикесса,
Хозяйка терьера.
Он служит давно
Для ее интерьера...

Смотрю я на это
И очень тоскую.
Куплю обязательно.
Свинку морскую!

Из преисподней подымался газ,
в кровавой пене
мчался астероид,
в единственном глазу
сверкал сфероид,
пока не вытек и последний глаз.

Слепящий луч сознания потух.
Я распадался,
но не ведал страха.
«Ужо, — я хрипло возопил из праха, —
отмстит врагам
неубиенный дух!»

Жаль, нынче не успею аз воздать,
ложу в мешок
раздробленные кости
и с дыбы слезу, —
зван сегодня в гости,
передохну,
а завтра — вновь страдать...

РАССКАЗ НОВОБРАЧНОГО

(Владимир Высоцкий)

Гуляет в юбочке бордо
Кассирша Вера.
И занимается дзюдо
Она, холера.

Ее в магазине у нас
Все опасались.
Но в понедельник с пьяных глаз
Мы расписались.

Во вторник, в среду и в четверг
Я продержался.
Наш дворник Федя Розенберг
Все поражался.

И в пятницу курам на смех
Был трезвый вроде...
А Зинка, стерва, мне при всех:
«Гляди, Володя...»

Все говорили: «Баба — страх!»
Но я уперся.
И вот в субботу на бровях
Домой приперся.

Я трезвым драться не люблю,
Скажите, братцы...

Но ежели я во хмелю,
Куда ж деваться?

Само собой пошел скандал
Промежду нами.
И тут я что-то ей сказал
Об ейной маме...

Ведь как-никак во мне семьсот
И пива сколько...
А я гляжу — ее трясет,
Ну смех, и только.

Тут как-то я ее назвал,
Но не обидно.
А дальше в памяти провал —
Заснул, как видно...

Очнулся в гипсе, как святой,
Хужей медведя.
А был когда-то холостой.
Ты помнишь, Федя?..

ТЕНЬ ФОРТУНЫ

Конспект книг Игоря Шкляревского

Томление. Весна. Болит колено.
Уехал брат. Приехала Елена.

Похолодание. Приехал брат.
Уехала Елена. Снегопад.

Зима. Спилили тополь на полено.
Уехал брат. Приехала Елена.

Уехала Елена. Выпал град.
Тень птицы на стене. Приехал брат.

Елена! Брат! Елена! Я меж вами!..
Как воздух пуст! Я не могу словами...

ПОЛОВИНЧАТОЕ РЕШЕНИЕ

Люди! Я с вами! Я ваш до кровинки,
Нет в этом позы и жалких прикрас.
Вот оно, сердце, в нем две половинки,
Обе работают только на вас!

Виктор Боков

Врач-кардиолог, в лице ни кровинки,
Начал беседу себе на беду:
— Вы написали про две половинки,
Что вы имели при этом в виду?

Истины ради, не ради усердия,
Лишь потому, что наука права,
Два, уверяю вас, в сердце предсердия
И, уж поверьте, желудочка — два!

Факт, в медицинском доказанный мире.
Значит, желаете вы или нет,
Но «половинок» не две, а четыре,
Вы обсчитались, товарищ поэт...

Я растерялся, в лице ни кровинки,
Но замечательный выход нашел:
Я показал ему две половинки
И, не простившись с невеждой, ушел.

ЗАБУБЕННОСТЬ

И поставил все на карту,
До последних дней
На крестовую дикарку
Из страны твоей.

Анатолий Передреев

То ли в Сочи, то ли в Нальчик
От родных полей
Забубенный ехал мальчик
Из страны своей.

Небеса чисты и сини,
Рай! А из купе
То и дело: «Крести! Вини!
Буби!..» И т. п.

Мат витает, дым не тает,
Крик: «Вальта не бей!»
Лишь на спинах не хватает
По тузу бубей...

В обстановке этой самой,
Будь он жив сейчас,
Со своей «Винновой дамой»
Пушкин был бы «пас»...

ОБУЧЕНИЕ УСТНОМУ

Шел вчера я в толпе городской,
Показалось мне, трезвому, грустному, —
В разношерстице речи людской
Разучился я русскому устному...

Сергей Макаров

Сердцем чувствую: что-то не так.
Стало ясно мне, трезвому, грустному, —
Я по письменной части мастак,
Но слабее по русскому устному.

В кабинетной работе я резв
И заглядывал в энциклопедии,
Но далек от народа и трезв —
Вот причина подобной трагедии.

Нет, такого народ не поймет!
Не одарит улыбкою теплою...
И пошел я однажды в народ
С мелочишкой в кармане и воблюю.

Потолкался в толпе у пивной,
Так мечта воплотилась заветная.
И, шатаясь, ушел: боже мой,
Вот где устная речь многоцветная!

Что ни личность — великий знаток,
И без всякой притом профанации.
Слов немного — ну, может, пяток,
Но какие из них комбинации!

Каждый день я туда зачастил,
Распротясь с настроеньями грустными,
Кабинетную речь упростил
И украсил словами изустными.

У пивной мне отныне почет,
А какие отныне амбиции!
И поставлен уже на учет.
На учет в райотделе милиции.

ВСЕ ПУТЕМ!

Льды на реке ломает март.
Апрель как вор в законе,
И льдины стаей битых карт
Разбросаны в затоне.

Геннадий Касмынин

В свои права вошла весна,
Вокруг светлей и чище.
И стаи воробьев, шпана,
Спешат на толковище.

Грачи, как крестные отцы,
Глаза свои таращат.
Везде домушники-скворцы
Уже чего-то тащат.

Барыга-мерин погорел —
Мужик его треножит.
А голубь, фрайер, ожирел,
Взлететь — и то не может.

Лохматый пес сидит как вор
И пайку ест из плошки.
Крадется кот как сутенер,
На тротуарах — кошки...

Ворона, словно человек,
Разинула едало.
Сорока, падла, будто век
Свободы не видала.

Всех обогрел весенний свет,
Длинные, как сроки, тени...
И вот уже сидит поэт
И бóтает по фене.

ЗМЕИ В ЧЕРЕПАХ

(Юрий Кузнецов)

Один, как нелюдь меж людьми,
По призрачным стопам,
Гремя истлевшими костями,
Я шел по черепах.

Сжимая том Эдгара По,
Как черный смерч во мгле,
Как пыли столб, я мчался по
Обугленной земле.

Еще живой, я мертвым был,
Скелет во тьме белел...
Из чашечек коленных пил,
Из таза предков ел.

Блестя осками зубов,
Зловещи и легки,
Бесшумно змеи из гробов
Ползли на маяки.

Я сам от ужаса дрожал
(Сам Гёте мне грозит!),
И всех, естественно, пужал
Загробный реквизит.

Я шел, магистр ночных искусств,
Бледней, чем сыр рокфор...
Прочтя меня, ушал без чувств
Знакомый бутафор...

СУАРЕ НА ПЛЕНЭРЕ

Вася — сторож. В шалаше
пребывает неглиже.
Он дежурит. То есть курит.
То есть — выпивши уже.

Развидняется, кажись.
Мы обсудим с Васей жизнь.
Поиграем с ним в картишки
под остатки, под излишки.

Глеб Горбовский

У меня на сердце — муть.
Напишу, читаю — жуть.
Дело плохо. Надо к Васе.
Рядом с Васей — как-нибудь...
Вася скажет: «Бон суар!»
И поставит самовар.
Извинится: «Я уже...
Миль пардон за неглиже».
Опрокинет двести грамм,
бормоча: «Шерше ля фам».
И добавит: «Йес, майн герр,
а ля гер ком а ля гер...»

С Васей быть — на рану бинт.
Поиграем с Васей в винт.
Я уж Васе пользы для
проиграю три рубля.
Вася бедный, Васе надо,
елки-палки, вуаля!
Вася вскочит в тот же миг

и воскликнет: «Манифик!»
Я доволен. Мне не жаль.
Вася крикнет: «Нох айн маль!»
Все как есть пишу без фальши.
Будем мы играть и дальше.
Разгораются глаза,
бью шестеркою туза...
Развидняется уже,
я остался неглиже,
но нисколько не жалею —
полегчало на душе!

ПЛАЧ ПО ДЕРЕВНЕ

Город! Я твоя добыча,
Сервисов твоих раба,
Но меня сегодня кличет
Прежняя моя судьба.

Мне страшны от сел отливы
Поколений молодых,
Как же ты сохранна, нива,
Это же удар под дых?!

Лариса Федорова

На меня тоска находит,
Как подумаю о том,
Что с деревней происходит?
Мы ж под дых деревню бьем!..

Уезжают молодые,
Или здесь им — не судьба?
Плачут ивушки седые,
Слепнет старая изба.

Город юных не жалеет,
Всюду — сервисная ржа...
Кто же пашет, кто же сеет,
Кто собирает урожай?

Я пишу стихи без фальши,
Вся в слезах душа моя.
Если так пойдет и дальше,
Что же кушать буду я?!

Ах, как я себя ругаю,
Город — язва, город — бич...
Но сегодня я другая —
Деревенский слышу клич.

Решено! Бросаю город,
И — в деревню, навсегда!
Утолю духовный голод,
В город больше — никогда!

Я в деревне. Как приятно!
Здравствуй, нива! Здравствуй, сад!
Жаль, что мне пора обратно —
Тянут сервисы назад...

Как вошла в свою квартиру,
Клич судьбы во мне утих.
А потом взяла я лиру —
Сочинила страстный стих!..

НОЧНАЯ СТИХИЯ

Случайный пешеход
мне в спину камень бросит
иль просто подойдет
и закурить попросит?

Сергей Мнацаканян

Я людям верю, но
немало озабочен
тем, что, когда темно,
я верю им не очень.

Я с музой дружу,
знаком с успехом гулким,
но больше не хожу
по темным переулкам...

Случайный пешеход
ко мне на днях подходит
с улыбкою. И вот
что дальше происходит.

О чем-то говорить
желает, вероятно...
«Позвольте прикурить», —
он произносит внятно.

Я на него смотрю
и загодя скучаю.
«Простите, не курю», —
печально отвечаю.

Чем это мне грозит,
понятно и ребенку.
Он тихо говорит:
«Тогда сымай дубленку!»

Дубленку я свою
снимаю торопливо
и молча отдаю...
А на душе тоскливо.

Вот отчего грустна
моя ночная лира
и жалуется на
несовершенство мира...

КОГДА ОЧЕНЬ НАДО

Эта улочка как ковшик,
Коим брагу сладко пить.
Я иду, шугая кошек.
Надо жажду утолить.

.
Топольки стоят, как стопки.
Тени вьются по крыльцу.

Владимир Евсейчев

Поутру, откушав браги,
Душу песней веселя,
Я иду, творя зигзаги,
А иначе — кренделя.

У крылечка три ромашки
Пьют чего-то на троих.
Колокольчики-рюмашки...
Доберусь ужо до них!

Самочувствие все хуже,
В организме все дрожит.
Мерин жадно пьет из лужи —
Перебрал вчера мужик.

На углу сидит собака,
Ей поэта не понять.
Надо, думаю, однако,
Внутри чего-нибудь принять.
У меня не жизнь, а горе:
Воду пью — и та горчит...

Старый дуб на косогоре
Забулдыгою торчит.

Бабка внука бьет по попке,
Дед с утра опять икал.
Топольки стоят, как стопки,
А церквушка — как бокал.

У меня — стакан в кармане
И последние гроши...
Говорил же мне папаня:
Похмелись — потом пиши.

Меня, как снежинку,
метелью несет.
Гляжу, а читателей
тоже трясет.

МЫ С ПЛАТОНОМ

Для счастья людям нужно очень мало:
глоток любви, сто граммов идеала...

Платон мне друг,
а истина... чревата...
Пить иль не пить противоречья яд?..

Анатолий Пчелкин

Глаза однажды разлепив со стоном,
решили счастья мы испить с Платоном.
Платон мне друг,
но истина дороже...
В чем истина — видать по нашим рожам...
Для счастья людям нужно очень мало:
мы взяли
по сто граммов идеала
(любой поймет, что это — для начала),
но нам с Платоном сразу полегчало.

Сказав, как мы друг друга уважаем,
сидим с Платоном и соображаем.
Платон мне говорит:
«Для счастья — мало,
возьми еще по рюмке идеала!»
Потом еще по двести попросили
и всё
противоречьем закусили.

Потом опять нам показалось мало.
Мы нахлебались
счастья до отвала.
И, задремав в обнимку, словно с братом,
Платон во сне
назвал меня Сократом...

АХ, ДЕТИ, ДЕТИ...

Без ухищрения, без фальши,
за совесть,
вовсе не за страх
рисуют дети на асфальте
в больших и малых городах.

Владимир Шленский

Как изменилось все на свете!
Как в самых радужных мечтах.
Какие знающие дети
в больших и малых городах!
Акселераты...
Мысль во взорах
на расстоянии видна.
И вот повсюду на заборах
уже возникли письма.
Конечно, слово не игрушка.
Ну, вот...
Что взять с него — дитя...
И не смущайтесь, что старушка
упала в обморок, прочтя...
Все стало темой для поэта,
пусть не пугает вас ничто.
Пускай один напишет это,
зато другой напишет то...
Пусть истина родится в спорах,
она — я понял —
не в вине.
Пишите, дети, на заборах,
а все претензии —
ко мне!

ОСВОБОЖДЕННЫЙ УЗНИК

Август.
Двадцать первое число.
Мне решенье в голову пришло
выбраться из маминой темницы.
А когда приехали врачи,
я уже успел на свет родиться
и,
довольный,
грелся на печи.

Иван Лепин

Где оно — начало всех начал?
Ведь не сразу довелось родиться...
Для начала я облюбовал
мамину
просторную темницу.

Не сказать ни в сказке, ни пером
описать,
как мне хотелось к свету!
Одинок в узилище сыром,
я грустил,
а грусть к лицу поэту.

Там же я питался, мыслил, жил,
начал помаленьку развиваться.
Головой — не чем-нибудь! — решил,
что пора,
пожалуй,
выбираться.

Головой вперед себя родив,
понял я,
что прочих не глупее.
Не без основания рассудив,
что вперед ногами —
я успею.

А когда приехали врачи,
а за ними — дяденька фотограф,
разомлевший,
прямо на печи
я оставил
первый свой автограф!

СТРАСТЬ ОХОТЫ

Страсть охоты, подобная игу,
И людей покорила и псов...
Занеси меня в Красную книгу,
Словно редкого зверя лесов.

Яков Козловский

Вижу ряд угрожающих знаков,
В мире зло громоздится на зло.
И все меньше становится яков,
Уменьшается племя козлов...

Добротой в наше время не греют,
Жизнь торопят — скорее, скорей!..
Жаль, что люди все больше звереют,
Обезлюдело племя зверей.

Век жестокий, отнюдь не толстовский...
Скоро вовсе наступит конец.
Лишь останется Яков Козловский,
Красной книги последний жилец.

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ

Мне эта жизнь явилась садом,
Где я, как яблоко, легко
Упал, почти с корнями рядом,
Да откатился далеко...

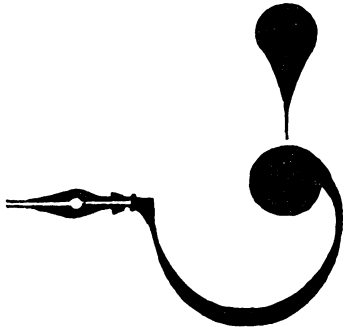
Павел Калина

На ветке яблочком налился,
Упал поблизости. Да вот
Далече слишком откатился...
С тех пор тоска во мне живет.

Я сохну без корней и чахну,
Мне невозможно без земли.
Я гленом, может быть, запахну
От милой яблони вдали.

Как без меня созреет колос?
Как расцветет весной сад?
Но тут вмешался трезвый голос:
— Что за беда! Катись назад!

• • • • •
РОК ПРОРОКА

РОК ПРОРОКА

Кривонос и косорыл,
удивился и смутился:
серафимный шестикрыл
в юном облике явился.

Вадим Рабинович

Я хоть музой и любим,
только, как ни ковырялся,
шестикрылый серафим
мне ни разу не являлся.

Вместо этого, уныл,
словно он с луны свалился,
серафимный шестикрыл
на распутье мне явился.

— Ну-с! — свою он начал речь.—
Чем желаете заняться?
— Вот хочу жаголом глечь,—
так я начал изъясняться.—

Сочиняю для людей,
пред людьми предстал не голым.

Так сказать, людца сердей
собираюсь глечь жаголом...

Шестикрыл главой поник
и, махнув крылом как сокол,
вырвал язный мой грешык,
чтобы Пушкина не трогал.

ВБЛИЗИ И НА РАССТОЯНИИ

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.

Сергей Есенин

Вблизи — не видишь ни шиша,
И отойдешь — черты нерезки.
Разъято время, как лапша,
На произвольные отрезки...

Александр Плитченко

Была когда-то благодать,
Да ведь оно и впрямь вернее:
Лицом к лицу — не увидеть,
На расстоянии — виднее.

Теперь иные времена,
И очень, знаете, обидно:
И так — не видишь ни хрена,
И этак — ни черта не видно...

От этого болит душа,
И неудобство есть при этом:
Когда не видишь ни шиша,
То очень трудно быть поэтом.

Пишу не покладая рук,
Итог трудов безмерно дорог,
Хотя я страшно близорук
И в то же время дальнорук.

Я вам совет подать спешу:
Наутро в качестве зарядки
Навесьте на уши лапшу,
И сразу будет все в порядке!

ПОТОК ПРИВЕТОВ

И взрослым, вероятно, баловство
Присуще. Вот свечу я зажигаю...

Недаром вдохновенно Пастернак
Свечу воспел. От Пушкина привет
Она ему, колеблясь, посылала...

Анатолий Брагин

Беру свечу. Конечно, баловство
В наш сложный век — подсвечники, скандалы,
Гусарский пир, дуэльные скандалы...
Но в этом все же есть и волшебство.
Минувший день — сверканье эполет,
Порханье дам... Но как не верить знаку
Свечи зажженной? Это ж Пастернаку
От Пушкина таинственный привет!..

Но вот свеча и мною зажжена.
И новый труд в неверном свете начат.
Свеча горит... И это что-то значит...
Внезапно понял я: да ведь она
Горит не просто так, а дивным светом
От Пастернака мне — ведь я поэт! —
Шлет трепетный, мерцающий привет!..
Так и живу. Так и пишу. С приветом.

КОГДА СКОШЕНО И ВЫЛАЗИТ

У меня нахальством плечи скошены
и зрачки вылазят из углов.
Мне по средам снится критик Кожин
с толстой книгой «Тютчев и Щуплов».

Сегодня я — болтун, задира, циник —
земную тяжесть принял на плечо,
и сам себе — и Лев Толстой, и Цыбин,
и Мандельштам, и кто-то там еще.

Александр Щуплов

Собрались вместе Лев Толстой, и Цыбин,
и Мандельштам, и кто-то там еще.
И вроде бы никто из них не циник,
И все что нужно принял на плечо.

— Вы кто такой? — у Цыбина Володи
спросил Толстой. — Не знаю вас, мой друг,
мы в свете не встречались раньше вроде...
— А я Щуплов! — ответил Цыбин вдруг.

Толстой застыл, сперва лишился слова,
потом смутился и сказал: — Постой,
не может быть, откуда два Щуплова?
Ведь я Щуплов! — промолвил Лев Толстой.

Стояли молча рядом два титана.
— И я Щуплов! — кричали где-то там.
И, чувствуя себя довольно странно,
«И я Щуплов!» воскликнул Мандельштам.

Вокруг теснилась публика, вздыхала,
и кто-то молвил зло и тяжело:
— На молодого циника-нахала,
должно быть, вновь затмение нашло..

ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ

Такое утро светлое, погожее,
Речушка убегает за село.
На Льва Толстого облако похожее
По небосклону медленно взошло.

Игорь Ляпин

Деревня под лучами солнца греется,
Какое утро — просто чудеса!
А в небесах такое нынче деется —
Парад бессмертных, а не небеса!

Из леса песня слышится кукушкина,
Речушка убегает далеко.
Вот облако, похожее на Пушкина,
Плывет недостижимо высоко.

Вот слышу грохотанье грома близкого,
Была погодка, да, глядишь, сплыла...
То туча — просто копия Белинского,—
Сердясь, на тучу Гоголя нашла.

Но туча уплыла вослед за тучею,
И снова чист и ярок горизонт.
Вот облака поменьше, но бегучие —
Поделков, Вознесенский, Доризо...

Все небеса великими заляпаны,
И лишь одно гнетет и душу рвет,
Что ничего похожего на Ляпина
По небосклону что-то не плывет.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

...печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...

А. С. Пушкин, 1829

Печаль моя легка,
Как дым костра над полем.

Николай Курицын, 1979

Лежит ночная мгла.
Разлука грусть наводит.
«Печаль моя светла», —
Его перо выводит.

Он в горнице не спит.
Уж близок час рассвета.
Предчувствие томит
Великого поэта.

Наш классик сам не свой,
В тревоге шепчет часто:
Что будет, боже мой,
Лет через полтораста!

Опальный исполин
Вздыхает, ставя точку:
«Не Курицын ли сын
Мою испортит строчку?..»

ПАЦАНАМ ОТ ПАЦАНОВ

Есть в жизни радости бесплатные,
которым не сложить цены.
Бог не обидел нас талантами,
не сомневайтесь, пацаны!

Владимир Калинин

Увлечены мы не игрушками,
свершеньям нашим нет цены.
Кто были Боратинский с Пушкиным,
коль разобраться? Пацаны!

Но слова их авторитетного
мы не постигли до конца...
А Лермонтова взять бессмертного —
так он и вовсе был пацан!

Иной уж век, иное времечко,
а все ж традиция жива.
Другие люди чешут темечко,
рифмуя разные слова...

Не в тех семействах мы родились,
но, свой нащупывая путь,
мы, как и классики, учились
чему-нибудь и как-нибудь...

Мы стали ушлыми и дошлыми,
признание к нам пришло само.
Великим стихотворцам прошлого
шлем коллективное письмо:

«Вы были, пацаны, гигантами
но нам ведь тоже нет цены...
Бог не обидел нас талантами.
Не сомневайтесь. Пацаны».

Не ждать,
пока пройдут века,
При жизни хороша награда!..
Название площади пока,
Я думаю,
менять не надо.

Но ясно вижу: день настал,
Сумела предъявить права я:
Родной до боли пьедестал,
На нем — Татьяна..
Но живая.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

На зов огня летит ночная гнусь.
Горчит зола, и губы жжет сиротство.
Я уйду и больше не вернусь
искать родство в полунамеках сродства.

Геннадий Русаков

За окнами стоит ночная тишь.
Мне голос был ни спереди ни сзади.
Он грозно мне сказал: чего сидишь?
Плюнь на золу, ищи родство, Геннадий.

А где искать? Хоть понял я намек,
но обречен сиротству и проклятью.
Искал, искал, но отыскать не смог
нигде — ни под столом, ни за кроватью.

Горит огонь, притягивая гнусь.
Сижусь я, в темноту вперяясь оком,
и думаю: уйду и не вернусь,
а может быть, вернусь — полунамеком.

За окнами — и муть, и жуть, и мразь.
И вдруг оттуда голоса раздались:
«Давай, пиит, с полунамеков слазь,
понятное ищи! Изнамекались...»

И ЧТО ГЛАВНОЕ...

Пиши о главном, говорят.
Пишу о главном.
Пишу который год подряд
О снеге плавном.

Николай Дмитриев

Писал о главном Пастернак
Размером славным.
Мне тоже выдан этот знак —
Пишу о главном.

Снега застыли на земле,
Зима в зените.
«Свеча горела на столе...»
Ах, извините!

Пишу который год подряд
Стихом державным.
Пиши о главном, говорят.
Пишу о главном.

Снег будет до весны лежать,
Как это славно!
...А главное — не подражать
Уж слишком явно.

ПЕТР И ШЕКСПИР

Драматическое предположение

(Владимир Рецетер)

Действующие лица:

Петр Первый, царь.

Шекспир из Стрэтфорда, английский драматург

Крючок, без слов.

Петр

Садись, Вильям!

Шекспир

Да я уж постою...

Петр

Садись, садись! Я нынче зол без меры.

Вот, хочешь, пей... Я завязал, не пью.

Дашь мне совет насчет одной холеры.

Вот пишут про меня незнамо что...

И так Расею взгромоздил на плечи,

Тяну сей груз... А тут они...

Шекспир

Почто

Ты гневен, царь? О ком ведешь ты речи?

Петр

То Алексей, язви его, Толстой!

А то Владимир, сын Эммануила!..

Кто он такой, анафема?..

Шекспир

Постой,

Уж не Рецепттер ли? Когда о нем, он — сила!
Коллега мой. Актер. Привел в восторг
Известных лиц. И сочиняет много.
Недаром же пригрел его Георг.
Не наш Георг, а ихний — Товстоногов...
Он в одиночку Гамлета сыграл,
Тогда как я — лишь Тень его папаши...
Слышал, сам Смоктуновский обмирал,
Так он играл!..

Петр

С тобой не сварить каши!
Я весь зело от ярости горю...
Молчи, Крючок! И не встревай, собака!..
По-аглицки я плохо говорю...

Шекспир

Speak russian! В переводе Пастернака.
Ты многого, царь Питер, не учел,
Хотя не лаптем щи хлебал, а ложкой.
Рецептера, признаюсь, я прочел,
Пока ты ковырялся тут с Алешкой...
Скажу тебе: он просто молоток,
Он сочинил вполне приличный опус,
Должно быть, лучше выдумать не мог...

Петр

Да полно врать! Тут не театр «Глобус»!
На плаху захотел?..

Шекспир

Избави бог!

П е т р

Да я шучу, Вильям... Какой-то рок
В сем зрю. Хоть, может, мыслю и убого.
Предполагать имеет право бог!
Играешь роль? Играй же! Но не бога!..

Ш е к с п и р

О нет, мин херц! Не бог, а человек
Предполагает. Бог — располагает.
Вот погоди, иной наступит век,
И то ли будет...

П е т р

Это и пугает!
В раденьях изнемог. Не тот я стал...
Хандрю. И самочувствие отвратно...
Рецептера не знаю, не читал...

Ш е к с п и р

А ты прочти! И складно и занятно.
Узнаешь много нового...

П е т р

Устал...

В ЭТО ЛЕТО

Падают груши в саду августовском,
Глухо стучат о траву...
В тихой усадьбе совсем по-толстовски
Я это лето живу.

Иван Лыцков

Творческим духом я нынче питаюсь,
Тихую радостью пьян.
В славной усадьбе, где я обретаюсь,
Множество ясных полян.

В теплых лучах золотится деревня,
Нежится речка и дол.
Добрая баба, как Софья Андреевна,
Мне собирает на стол.

С рани землицу пашу я не сдуру,
Круп вытираю коню.
Скоро, видать, про Каренину Нюру
Рóман большой сочиню...

ПОЭТ, няня И КРУЖКА

Барин щиплет бакенбарды,
Вьюга воеет на дворе.

Голубой шлафрок притален,
Пушкин брови сводит злей...
— Батюшка, пошто печален?
— Родионовна, налей...

Черт, опять пропала кружка...
Или это — неспроста?

Евгений Лучковский

Вьюга воеет, сердце ноет,
Знать, зима идет к концу.
Буря мглою небо кроет,
Как весной баран овцу.

— Ручки зябнуть, ножки зябнуть,—
Пушкин няне говорит,—
Не пора ли нам дерябнуть,
У меня душа горит!

По годам лицейским тризна,
Неизвестно, где друзья...
— Побоись алкоголизма! —
Плачет няня в три ручья.

Под сугробом стонет крыша,
Пушкин брови сводит злей,
Бормоча:
— Ништо, Ариша!
Плюнь три раза да налей!

Ищет бедная старушка,
Заглянула аж во двор.
— Что за черт, пропала кружка...
— Неужели Пущин спер?

— Черта с два,
Он не таковский,
Ты кручину бы унял...
Это, батюшка, Лучковский
Зря про нас насочинял!..

У ПОДНОЖЬЯ МАШУКА

Качнулся Лермонтов, и пуля
Впилась в меня, пронзая тишь.
Россия, ты на карауле,
Так почему же ты молчишь?

Валентин Сорокин

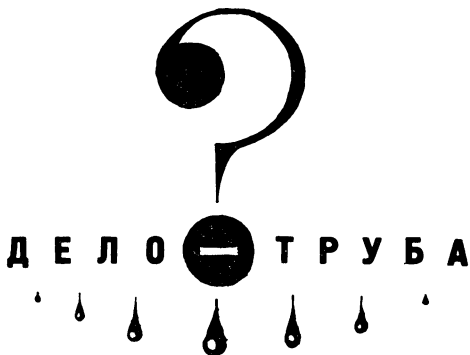
Я замер, варезку разинув,
Когда, кривя в улыбке рот,
Передо мной возник Мартынов,
Не Леонид, не наш, а тот...

Играл убийца пистолетом,
На что он руку поднимал?!
Я с Лермонтовым был, об этом
И сам Андроников не знал.

И вот он выстрелил, мошенник,
И пуля мне заткнула рот.
А как же ты, мой современник,
Страна, поэзия, народ?!

Что ж, не от пули, так от яда...
Судьба поэта догнала.
Ну пусть бы Лермонтов... Но я-то!
Россия, где же ты была?

Россия по-сиротски взывала
И покачала головой:
— Ах, если б так оно и было —
Глядишь, и Лермонтов — живой...

ДЕЛО—ТРУБА

Если сказано А,
значит, вымолвят Б.
Поиграем с тобою на чистой трубе.

Петр Кошель

Начиналось как шутка:
итак, А и Б
беззаботно сидели на чистой трубе.
Позабыв все на свете, играли в слова,
увлечен этим Б, увлечен этим А.
Про любовь сочиняли, природу и быт,
А и Б понимали, что кто-то забыт.
От предчувствий томилась как А, так и Б,
кто-то третий как будто сидел на трубе...
Тщетно вспомнить пытаюсь опять и опять,
А и Б на трубе продолжали играть.
И все новые строки ложились на лист...
А сидел на трубе с ними И — пародист.

ОТРАВА ПОДОЗРЕНИЕМ

В бургонское — из перстня...
И хорош.
Бокал упал.
Красивая расправа!
Что́ этот яд!
Уверенная ложь
Иных «друзей» —
Вот суцая отрава.

Олег Цакунов

Эх, жизнь была!
Представишь — и хоть плачь!
В бокале яд —
И ты ушел в потемки...
Тут гений,
Там — завистник и палач.
И — божий суд.
И умные потомки.

А что у нас?
Признанья ни на грош.
Ничто серьезно не грозит карьере.
Бутылка «бормотухи» —
И хорош.
А главное, нет на тебя Сальери!

Уверенно солгут тебе «друзья».
Я вас прошу:
Солгите мне хоть разик,
Но только так,
Чтоб усомнился я: .
А может, я — действительно не классик?!

В одно лицо...

Но если б только это!

Ведь я еще — Изольда и Манон,
Коробочка, Офелия, Джульетта.

Ту драму,

не Шекспира, а мою,

Сыграть

не хватит целого театра.

Я — Маргарита. Это я пою.

Ты не шути со мной.

Я — Клеопатра!

И сам Печорин,

отдавая честь,

Сказал мне: «Мадемуазель Реброва!

Я, видит бог, не знаю, кто вы есть,

Но

пишете, голубушка,

отменно!»

КОГДА ГОРИТ СЕРДЦЕ

Давно не бывал я таким одиноким,
Чтоб даже, под сердцем горящим, родясь,
Едва лишь глазенки протершие строки
Со мной порывали бы всякую связь.

Виктор Коротков

Горит мое сердце, пожары клубятся,
Горит, не сгорая, треща и дымясь.
Под ним преждевременно строки роятся,
Мою подтверждая с поэзией связь.

Родятся слепые, ползут, как мокрицы,
Слабей, рахитичнее день ото дня.
На ножки не встав, не успев опериться,
Они навсегда покидают меня.

Прозреть не успев, не отведавши соски,
Со мной порывают, живут как хотят...
Да если бы знать, что они — недоноски,
Своей бы рукой утопил как котят!..

Но нет... Расползлись, разбежались, летают,
А я продолжаю с поэзией связь.

И это же

где-то же

люди читают,

Протерши глазенки и тоже дымясь...

ВОЗМУЖАНИЕ

Я жил в стране лесных проталин
И дорогих щенячьих рож.
Я был тогда провинциален
И на поэта не похож.

Лев Смирнов

Я вырос там, где пахнет мята,
В краю свинячьих пятачков.
Тогда мне даже поросята
Вперед давали сто очков.

Я жил в стране лесных проталин,
В краю простого бытия.
Тогда и Валентин Проталин
Был более поэт, чем я.

Тогда я выглядел неловко,
Был на поэта не похож.
Я был не Лев, а просто Левка
Среди родных щенячьих рож.

Давно я в город перебрался,
Как говорят, ученье — свет!
Культурки малость поднабрался,
Теперь я вылитый поэт!

Стихописую, дома сидя,
Свет допоздна в окне горит...
И дворник наш, меня завидя,
«Наш Евтушенко!» говорит...

ЗАНОС

Я бросился в тебя, как в реку,
С того моста,
Куда заносит человека
Его мечта.

Эдуард Балашов

Мой путь причудлив чрезвычайно,
Мой путь не прост.
Меня мечтой необычайной
Внесло на мост.

Не исключение из правил
И не каприз.
Я огляделся, грудь расправил
И глянул вниз.

Там все искрилось и сверкало —
Текла река.
Там ты, раздевшись, загорала
Среди песка.

Что еще надо человеку?
Зовет мечта.
Я бросился в тебя, как в реку,
С того моста.

Лечу и думаю: давненько
Я не летал...
Но, к сожалению, маленько
Не рассчитал.

Летел я правильной кривою
Под плеск волны.
Но приземлился головою
На валуны.

Должно быть, слишком разогнался,
Устал парить...
Встал, отряхнулся, причесался
И сел творить.

НАХЛЕБНИКИ

Утаить едва ли
(здесь секрет нелеп),
многие жевали
Хлебникова хлеб.

Петр Вегин

До чего же гадки
лирики подчас!
До чужого падки
многие из нас.

Как мы низко пали,
измельчали как!
Уткина щипали,
рвали пастернак.

Рдея кумачово
(эх, пути судьбы!),
ели Грибачева
острые грибы.

Жалкая картина
(ясно мне давно):
пили даже Вино-
курова вино.

А в конце недели
(тут не до поста)
зайца Зайца ели,
съели до хвоста.

Чтоб точней и тверже
строчки рифмовать,
Коржикова коржи
начали жевать.

Что ж от голодранцев
можно ожидать...
ВЕГИНтарианцев,
жалко, не видать.

О РАННИХ И ПОЗДНИХ СТИХАХ

И мне никто сейчас не говорит,
что гласом я
с Державина пиит,
наоборот — костят меня иные.

Олег Шестинский
«О ранних стихах»

Что я не Пушкин,
в этом спору нет.
Но неужели даже не Державин?!
Ведь я с годами
с виду стал державен,
и теща говорит, что я — поэт.

Ну, не Державин.
Даже пусть не Блок.
Не Маяковский в лихорадке буден.
Но, черт возьми,
неужто я не Дудин?
Я сочинил немногим меньше строк...

Пускай не Дудин.
Он большой поэт
и, говорят, бывает в Эрмитаже.
Но неужели
я не Чуев даже?
Ведь дальше никого уже и нет!..

Но как-то раз,
прервав мои мечты,

в приемный день ко мне явилась муза
и молвила:

— Вы — секретарь Союза,
служенье муз не терпит суеты...

БАРАХЛИШКО И БАРАХЛО

...И всю ночь напролет
я не спал, растревоженный,—
То по трюму бродил,
то взбирался на ют:
«Что они понимают,
что знают таможенники! —
Барахлишко оставят,
а стихи отберут...»
Но не взяли.

Александр Дракохруст

Ехал из-за кордона я,
весь растревоженный,
И всю ночь напролет
видел страшные сны:
«Как поступят
невежественные таможенники, —
Барахлишка не жаль,
а стихам — нет цены...»
Эх, таможня! С тобой,
видно, каши не сварить,
В толк не взяли
таможенники ничего.
— Барахлишко, — сказали, — оставьте, товарищ,
А стишки заберите.
Стишки — не того...

прятал нос в воротник
и от стужи страдал.
Я стоял в горделивой,
как Лермонтов, позе,
как Некрасов,
гуляя над Волгой, рыдал.

Разговаривал с солнцем,
как сам Маяковский,
как Есенин, случалось,
качал головой.
Видел стул, на котором
сидел Долматовский,
заходил в туалет,
где бывал Островой.

Кто не верит, пожалуйста,
можно проверить,
с кем-то связано все,
что мы видим окрест...
Но нигде до сих пор —
в это трудно поверить! —
нет с Терехиным связанных
памятных мест!..

Всем известны
моя щепетильность и честность,
я совсем не Вийон,
я не жил грабежом...
Но повсюду,
себе создавая известность,
«Здесь Терехин бывал»
вырезаю ножом.

УСНИ И ПОЙ!

Я трачу целый день
На пустяки.
И, видно, потому ночной порою
Мне снятся
Гениальные стихи,
Под утро забываемые мною.

Гарольд Регистан

Который год
Я творчеством живу,
В дыму табачном постигая счастье.
Я много написал. Но наяву,
При свете дня...
И в этом все несчастье!

Я убежден:
Во сне мне равных нет.
Как избежать дневных пикчемных бдений?
Во сне я удивительный поэт.
Я — светоч,
Даже, извиняюсь, гений!

Вот как-то вдруг
Ко мне ночной порой
Врываются друзья и чуть не матом:
— Ты ничего не знаешь?!
Ну, герой...
Ты ж нобелевским стал лауреатом!

Скажи спасибо,
Что друзья нашлись...
Нас,— говорят,— послали с порученьем,
Ты только, ради бога,
Не проснись
И быстро дуй в Стокгольм за полученьем!

НОЧЬ И ДОЧЬ

Наслоенья — отметаю.
Пояснений — не хочу.
Аристотеля читаю.
Первоясности ищу.

Василий Казанцев

До всего дойду ли сам я?
Надо пищу дать уму.
Отложу стихописание.
Аристотеля возьму.

Не откладывать на завтра!
Ночь, а я не сплю в ночи.
Аристотель Александра
Македонского учил.

Мне мудрец-учитель кстати.
Главное — не прозевать.
Александр-то в результате
Мир сумел завоевать!

До утра горит оконце.
Все, что было, — то вчера.
Чем я хуже македонца?
Он сумел. И мне пора!

Может, я себя прославлю
Хоть в какой-нибудь борьбе.
Может, памятник поставлю,
Извиняюсь, сам себе!

Но дочурка-забияка
Вдруг сказала мне сопя:
— Македонский, папа, бяка
Плюнь! Читай себе себя!

ТОЛЬКО БЫЛЬ, БЫЛЬ, БЫЛЬ...

Мы молча встали и ушли
короткою тропой
туда, где краешек земли
облизывал прибой.

Юрий Михайлик

«О чем с утра трубят рожки?» — один из нас сказал.
«Сигналят сбор, сигналят сбор», — откликнулся капрал.

Р. Киплинг

Шел Томми Аткинс по земле,
он храбрый был солдат.
Он шел в пыли, он шел во мгле,
где нет пути назад.
Да, да, пути обратно нет,
вперед — за ярдом ярд!
Не зря воспел его поэт
по имени Редьярд.
Шел Аткинс, песню распевал,
ему внимала ночь.
И вдруг он песню услышал,
похожую точь-в-точь.
Был Томми Аткинс поражен,
успев подумать: «Да!
Одно из двух: я или он
попали не туда...»
И сплюнул Аткинс на песок,
и губы облизал,
и, сдвинув каску на висок,
поющему сказал:

«Сэр, нам в раю уж не бывать
но хорошо ли выдавать за грешное житье,
чужое за свое?..»

ГОРЕНИЕ

Какое б мне ни поручили дело —
что ночь-полночь, что среди бела дня, —
я сам горел и все во мне горело,
во мне горело и вокруг меня.

Владимир Савельев

Горю всегда я — в творчестве, в боренье,
творя добро и сокрушая зло.

Но в том загадка, что мое горенье
Все, что возможно, тоже подожгло.

Горело все: вокруг меня и возле,
горело там (где именно — замнем).
Горело до, в течение и после.
Причем горело голубым огнем!

Когда я дома с чаем ем варенье,
играю в подкидного дурака,
то это тоже, в сущности, — горенье,
не понятное кое-кем пока.

Ко мне и ночь не проявляла милость,
горел и ночью, и во сне орал.
Я просыпался, а постель дымилась,
подушка тлела, коврик догорал...

И как-то, дописав стихотворенье,
решил я ночью, а быть может, днем:
чтоб ненароком я в своем горенье
не погорел, гори оно огнем!..

ДОГАДКА

Живу в обшарпанной квартире.
Ни денег нет,
Ни славы нет.
Зато, быть может, в целом мире
Лишь я — единственный поэт.

Борис Куликов

Я одаренный был ребенок.
Подрос, окреп, но, как назло,
Несчастлив я,
И мне с пеленок
Ужасно в жизни не везло.

Болел то свинкою,
То гриппом,
Мог в одночасье помереть.
Я так обтерхан и задрипан,
Что страшно на меня смотреть!

Живу в обшарпанном жилище.
Скрипят полы,
В стене — дыра.
Уж я не говорю о пище —
Ем из помойного ведра.

Со славой вообще проруха,
А славы так хотелось мне!
Талант мой и величье духа
Пока известны
Лишь жене...

Зато, быть может, в целом мире
Лишь я — единственный поэт!
А если нет, тогда сатире
Дарю догадку
Как сюжет.

ЗА МАЛЫМ ДЕЛО...

Написать бы про чудо такое,
написать бы, как ночь хороша,
только нет, как назло, под рукою
ни бумаги, ни карандаша.

Петр Градов

Есть мечта у меня, есть забота,
и живу я, себя беребя.
Написать бы нетленное что-то,
чтобы вмиг обессмертить себя!

В чем вопрос? Что, казалось бы, проще,
все для этого есть у меня:
есть талант поразительной мощи,
в сердце — даже избыток огня.

Налицо к вдохновению тяга,
над столом Евтушенко портрет.
Есть уже карандаш и бумага,
есть желанье!.. А времени нет...

СОДЕРЖАНИЕ

МНОГОДУМЬЕ

В плену ассоциаций (<i>Евгений Винокуров</i>) . . .	3
Про наш навоз да ихний Анжелос (<i>Николай Тряпкин</i>)	5
Полутона (<i>Владимир Соколов</i>)	7
На охоте (<i>Владимир Гордейчев</i>)	9
Электронные стихи (<i>Александр Еременко</i>)	11
Бессонница (<i>Леонид Агеев</i>)	12
Многодумье (<i>Александр Шевелев</i>)	13
Шаги в историю (<i>Юрий Головин</i>)	15
Свое и мое (<i>Диомид Костюрин</i>)	16
Автопортрет (<i>Иван Жданов</i>)	18
Когда-то в Москве (<i>Евгений Рейн</i>)	19
Реплика пародиста (<i>Сергей Давыдов</i>)	20
Из-за мыслов (<i>Марина Кудимова</i>)	22
Преображение (<i>Виктор Коротаев</i>)	23
Нехватка (<i>Евгений Храмов</i>)	25
Рыбацкое счастье (<i>Анатолий Парпара</i>)	26
Турусы на торосах (<i>Станислав Куняев</i>)	28
Даешь перестройку! (<i>Эрик Тулин</i>)	30

ЛИРИКА С ИЗЮМИНКОЙ

Лирика с изюминкой (<i>Владимир Цыбин</i>)	32
Про мед и деготь (<i>Галина Чистякова</i>)	34
Примета века (<i>Лариса Васильева</i>)	36
Гимн корове (<i>Василий Журавлев</i>)	38
В тоске по идеалу (<i>Людмила Щипахина</i>)	40
Диалог (<i>Нина Краснова</i>)	41
Камские страдания (<i>Николай Зиновьев</i>)	42
Куда ни кинь (<i>Тамара Жирмунская</i>)	44
Если выследить... (<i>Ирэна Сергеева</i>)	46
В школе жизни (<i>Ирина Малярова</i>)	47
Кому кого (<i>Борис Пуццло</i>)	48
Наливание (<i>Дмитрий Смирнов</i>)	49
Давай не говорить (<i>Марина Тарасова</i>)	50

Любовная рыбалка (<i>Нонна Слепакова</i>)	51
Морской волк (<i>Владимир Жуков</i>)	53
Кризис жанра (<i>Майя Борисова</i>)	55

КАК ПОКАЗАТЬ СТИХИ

Как показать стихи (<i>Юрий Левитанский</i>)	56
Из городской лирики (<i>Константин Ващенко</i>)	58
Ода всякой всячине (<i>Новелла Матвеева</i>)	60
Родня (<i>Борис Слуцкий</i>)	62
Грустный вечер (<i>Алим Кешоков</i>)	63
Перегрев в Пицунде (<i>Виктор Широков</i>)	64
Поэт и табурет (<i>Лев Озеров</i>)	65
На коне (<i>Марк Лисянский</i>)	66
Разноголосье (<i>Майя Луговская</i>)	68
К вопросу о гениях (<i>Вероника Долина</i>)	69
Весна на Арбате (<i>Анна Гедымин</i>)	71
Игра (<i>Вадим Шефнер</i>)	72
Антипародия на автопародию (<i>Булат Окуджава</i>)	74
Размышления о бессоннице, фасоне и Фогельсоне (<i>Олег Чухонцев</i>)	76
Драма в храме (<i>Юнна Мориц</i>)	78
Писательские собаки (<i>Николай Старшинов</i>)	80

ТЕНЬ ФОРТУНЫ

Страсти-мордасти (<i>Валентин Устинов</i>)	83
Рассказ новобрачного (<i>Владимир Высоцкий</i>)	85
Тень фортуны (<i>Игорь Шклярский</i>)	87
Половинчатое решение (<i>Виктор Боков</i>)	88
Забубенность (<i>Анатолий Передреев</i>)	89
Обучение устному (<i>Сергей Макаров</i>)	90
Всё путем! (<i>Геннадий Касмынин</i>)	92
Змеи в черепах (<i>Юрий Кузнецов</i>)	94
Суаре на пленэре (<i>Глеб Горбовский</i>)	95
Плач по деревне (<i>Лариса Федорова</i>)	97
Ночная стихия (<i>Сергей Мнацаканян</i>)	99
Когда очень надо (<i>Владимир Евсейчев</i>)	101
Потрясение (<i>Лариса Тараканова</i>)	103
Мы с Платоном (<i>Анатолий Пчелкин</i>)	105
Ах, дети, дети... (<i>Владимир Шленский</i>)	106
Освобожденный узник (<i>Иван Ленин</i>)	107
Страсть охоты (<i>Яков Козловский</i>)	109
Яблоко от яблони (<i>Павел Калина</i>)	110

РОК ПРОРОКА

Рок пророка (<i>Вадим Рабинович</i>)	111
Вблизи и на расстоянии (<i>Александр Плитченко</i>)	113
Поток приветов (<i>Анатолий Брагин</i>)	115
Когда скошено и вылезит (<i>Александр Щуплов</i>)	116
Парад бессмертных (<i>Игорь Ляпин</i>)	118
Предчувствие (<i>Николай Курицын</i>)	119
Пацанам от пацанов (<i>Владимир Калинин</i>)	120
В чем суть (<i>Татьяна Кузовлева</i>)	122
Ночные страхи (<i>Геннадий Русаков</i>)	124
И что главное... (<i>Николай Дмитриев</i>)	125
Петр и Шекспир (<i>Владимир Рецетер</i>)	126
В это лето (<i>Иван Лысцов</i>)	129
Поэт, няня и кружка (<i>Евгений Лучковский</i>)	130
У подножья Машука (<i>Валентин Сорокин</i>)	132

ДЕЛО — ТРУБА

Дело — труба (<i>Петр Кошель</i>)	133
Отрава подозреньем (<i>Олег Цакунов</i>)	134
Многоликость (<i>Татьяна Реброва</i>)	135
Когда горит сердце (<i>Виктор Коротаев</i>)	137
Возмужание (<i>Лев Смирнов</i>)	138
Занос (<i>Эдуард Балашов</i>)	139
Нахлебники (<i>Петр Вегин</i>)	141
О ранних и поздних стихах (<i>Олег Шестинский</i>)	143
Барахлишко и барахло (<i>Александр Дракохруст</i>)	145
Прошу заметить (<i>Леонид Терехин</i>)	146
Усни и пой! (<i>Гарольд Регистан</i>)	148
Ночь и дочь (<i>Василий Казанцев</i>)	150
Только быть, быть, быть... (<i>Юрий Михайлик</i>)	152
Горение (<i>Владимир Савельев</i>)	154
Догадка (<i>Борис Куликов</i>)	155
За малым дело... (<i>Петр Градов</i>)	157

*Александр Александрович
Иванов*

РЕПЛИКИ В СБОРЕ

Редактор *В. С. ФОГЕЛЬСОН*
Художественный редактор *Д. С. МУХИН*
Технический редактор *Ю. Н. ЧИСТЯКОВА*
Корректор *Н. Г. ХУДЯКОВА*

ИБ № 6801

Сдано в набор 11.11.88. Подписано к печати 23.01.89. А 05413. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 4,23. Тираж 20 000 экз. Заказ № 771.
Цена 45 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

45 коп.

